

DOI 10.25991/AE.2023.2.44.012
УДК 82.161.1

Е. С. Жилене

Жилене Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры;
ebibergan@yandex.ru

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Д. ПРИГОВА *

В статье рассматривается условный цикл текстов-стихов Д. А. Пригова «Евгений Онегин» (1978) и примыкающих к нему стихов, с звучащей в них пушкинской мотивикой. В работе показано, что имя Пушкина для Пригова является национальным штампов. «концептом», который утратил сущностное значение русского поэта. Имя Пушкина воспринимается концептуалистом Приговым как знак, утрачивающий собственную семантику. Но превращающийся в некий стертый «дорожный знак» на пути концептуального отражения (фиксации) действительности. Установлено, что форма стиха, его графика принципиально важна для писателя-художника.

Ключевые слова: Д. Пригов, текст-образ, визуальное и вербальное, пушкинский мотив.

E. S. Zhilene

PUSHKIN'S THEME IN D. PRIGOV'S POETIC TEXTS

The article considers a conditional cycle of texts-poems by D. A. Prigov «Eugene Onegin» (1978) and adjacent poems, with Pushkin's motif sounding in them. The paper shows that Pushkin's name for Prigov is a national stamp. a «concept» that has lost the essential meaning of the Russian poet. Pushkin's name is perceived by the conceptualist Prigov as a sign that loses its own semantics. But turning into a kind of erased «road sign» on the way of conceptual reflection (fixation) of reality. It is established that the form of the verse, its graphics are fundamentally important for the writer-artist.

Keywords: D. Prigov, text-image, visual and verbal, Pushkin motif.

*Во всех деревнях, уголках ничтожных
Я бюсты везде бы поставил его,
А вот бы стихи я его уничтожил —
Ведь облик они принижают его.*

ДАП

Образ великого А. С. Пушкина и его поэтическое наследие занимают особое место в творчестве Дмитрия Пригова. Получивший в 1993 году Пушкинскую премию, поэт-концептуалист на протяжении многих лет создавал свою пушкиниану — цикл «Пушкинские места», вобравший и перевоплотивший все лучшее (точнее — наиболее популярное), что всенародно известно о русском поэте и его творчестве [см. подробнее: 2, 3]. В этой связи Пригов признавался, что в своих поэтических практиках он не мог «миновать и алмазного пушкинского, как в смысле полноты объема материала эксперимента, так и специфики его в качестве наиболее маркированного и посему показательно-наглядного» [4, с. 563]. При этом, по словам Пригова, при обращении к пушкинской теме он «нисколько не хотел акцентировать свои авторские амбиции», но его основной задачей было «наилучшим и наинтереснейшим способом зафиксировать читательское внимание, столь чутко реагирующее на любое поминание конституированного и этиблированного (в данном случае — прецедентного. — Е. Ж.) культурного материала, тем более такого, как кристалльные пушкинские строки и строфы» [4, с. 563]. Пригов предостерегает читателей «неподготовленных» или «пассеистически-охранительно ориентированных»

от возможного чувства-эффекта, «призрака некоторого кощунства или издевательства, иногда прямо-таки сознательного уничтожения классика», заверяя со всей концептуалистской ответственностью: «Ничего подобного, мне инкриминированного, не было даже и в мыслях, не говоря уже о помыслах» [4, с. 563].

В рамках сформулированной художественной стратегии концептуалистского восприятия личности и творчества А. С. Пушкина в 1978 году Пригов впервые обращается к пересозданию текста классического пушкинского, а затем и созданию собственного «Евгения Онегина».

Первый приговский «Евгений Онегин» состоит из 70 строк, многократно повторяющих и варьирующих первую строфу первой главы пушкинского романа:

Мой дядя самых честных правил
Мой дядя самых честных занемог
Мой дядя самых шутку занемог
Мой дядя в шутку занемог
Мой не в шутку занемог
Когда не в шутку занемог
Когда не в шутку заставил
Когда не себя заставил
Когда уважать себя заставил

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Он уважать себя заставил
 Он уважать себя не мог
 Он уважать не мог
 Он выдумать не мог
 И лучше выдумать не мог
 И лучше выдумать не наука
 И лучше выдумать другим наука
 И лучше пример другим наука
 Его пример другим наука
 Его пример другим скука
 Его пример какая скука
 Его мой какая скука
 Но Боже мой какая скука
 Но Боже мой какая и ночь
 Но Боже мой и день и ночь
 Но Боже сидеть и день и ночь
 Но больным сидеть и день и ночь
 С больным сидеть и день и ночь
 С больным сидеть и день прочь
 С больным сидеть шагу прочь
 С больным ни шагу прочь
 С отходя ни шагу прочь
 Не отходя ни шагу прочь
 Не отходя ни шагу коварство
 Не отходя низкое коварство
 Какое низкое коварство
 Какое низкое забавлять
 Какое живого забавлять
 Полуживого забавлять
 Полуживого поправлять
 Полу подушки поправлять
 Ему подушки поправлять
 Ему подушки лекарства
 Ему подносить лекарства
 Печально подносить лекарства
 Печально подносить про себя
 Печально думать про себя
 Вздыхать и думать по себя
 Вздыхать и думать возьмет тебя
 Вздыхать и черт возьмет тебя
 Когда же черт возьмет
 Когда же черт
 Когда
 Ког
 Ко
 К
 Л
 М
 н
 опрст [4, с. 125]

Как правило, поэты и художники концептуалисты предваряют свои тексты пояснениями-предупреждениями — по словам М. Берга, предлагают «своеобразную самоинтерпретацию» [1], то есть приоткрывают некий код, который позволяет проникнуть в концептуальный текст. В случае с «Евгением Онегиным» 1978 года Пригов обходится без «Предупреждения», по-видимому, рассчитывая на хорошее знание условным реципиентом-читателем первых строк пушкинского «Евгения Онегина».

Действительно, первая строфа пушкинского «Евгения Онегина» хорошо известна читателям еще со школьных лет, и Пригов в его «пушкинских» практиках именно к ней обращается чаще других, называя её «мантрой высокой русской культуры» [4, с. 603], текстом, «исполненным наивысшего смысла в пределах русской культуры» [4, с. 601]. Много позже, спустя двадцать лет, в 1998 году, в «Предупреждении» к «Буддийскому» варианту «Евгения Онегина», Пригов пояснит: «Ясно дело, что всякая вещь, побывавшая в употреблении более ста лет в постоянном поп-употреблении, теряет всякое содержательное наполнение. Во всяком случае, оно сильно бледнеет. Она становится мантрой, как и случилось с нашим Евгением. Само упоминание, произнесение его, приобщает к высокой культуре» [4, с. 600]. Примечательно, что А. Пушкин в тексте романа называет Онегина «мой Евгений», Пригов — «наш Евгений», словно бы тем самым подчеркивая, что пушкинские строки, как и сам его герой, принадлежат не автору, а читателю, еще шире — всей русской культуре.

При восприятии приговского «Евгения Онегина» 1978 года значимым оказывается сравнение текста первой онегинской строфы с мантрой. С одной стороны, мантра — особый вид «молитвы», заклинания, обращения к кому-то или чему-то (священному, возвышенному, надмирному). С другой стороны, мантра, как известно, представляет собой набор звуков, отдельных фонем, слов или группы слов, которые, по опыту практикующих, имеют резонансное, психологическое и духовное воздействие на слушателей. Таким образом, приговское сравнение строк Пушкина с мантрой, с одной стороны, акцентирует его высоту и недостижимость, «божественность». С другой, на формальном уровне подчеркивает интерес Пригова к форме, к плану выражения (или, как в данном случае, — написания). План содержания текста словно бы перестает быть важным, его отсутствие оказывается сущностным¹. Можно предположить, что отчасти именно поэтому в тексте «Евгения Онегина» 1978 года все строки приговского текста последовательно и методично по 4–5 раз повторяют строки предыдущие, замещая в них одно слово другим, тем самым аннигилируя смысловую компоненту. Таким образом Пригов «растягивает» онегинскую строфу до 70 строк и финального набора звуков «опрст».

Однако мантроподобие — это только одна из особенностей приговского «Евгения Онегина» 1978 года. Как художник-концептуалист Пригов не упускает из виду и визуальный облик стихотворения, придавая ему узнаваемое зрительное очертание. Если присмотреться к формальному расположению растянутых или укороченных строк приговского текста, то можно заметить, что в своей совокупности они обретают форму пера.

Образ-профиль пера можно интерпретировать в русле классической традиции — например, как символ писательского мастерства, как «пушкинское перо», которым творил своего «Евгения Онегина» русский классик (см. графический облик стиха, приведенный выше).

Но этот «силуэт» пера, безусловно, может иметь интерпретацию и в духе концептуалистских стратегий — перо как один из самых популярных, ратифицированных аксессуаров (нередко с автографом «А. С. Пушкин» на перышке), некий сувенирный штамп, который можно приобрести в любом памятном пушкинском месте, имеющем отношение к жизни и творчеству русского поэта-классика.

Между тем визуальный образ текста приговского «Евгения Онегина» 1978 года может быть интерпретирован и в иной проекции. Если мысленно перевернуть стих Пригова и расположить его на листе горизонтально, то графически текст становится похожим на кардиограмму, графически передающую бой сердечного ритма, а точнее сбой ритма сердца, а затем — и его остановку. Угасание нити кардиограммы заставляет привести в текст Пригова аллюзию остановки сердца поэта или точнее — *смерти поэта*. Широко распространенный среди концептуалистов прием *реализации метафоры* словно бы срабатывает и здесь — речь, несомненно, идет не о физической смерти поэта, но о *смерти автора* (по Ролану Барту и Мишелю Фуко)².

Рисунок кардиограммы, изображающей остановку сердца, также двойственен, амбивалентен. Наравне с уже сказанным выше, речь может идти не (только) о смерти автора, но о смерти русского стиха или даже поэтического жанра. Пригов нивелирует содержательный план (семантическое начало текста), но оставляет лишь стихоподобную *форму*, которая утрачивает все свойства онегинской строфы: четырехстопный ямб превращается в вольный, исчезает последовательная смена типов рифмовки, чередование мужских и женских окончаний и др.

Таким образом возникает концептуальный парадокс — стихотворный текст, который содержательно (точнее бессодержательно) и визуально (кардиограмма остановки сердца) декларирует смерть автора, стиха, жанра тем не менее оказывается на-

писанным, а значит, заново рождается, иронически «смертью смерть поправ», провозгласив новый тип искусства и соответственно тип нового поэта.

PS. В этой связи представляется вполне ожидаемым и по-своему закономерным появление в 1982 году двух работ Б. Орлова (имевшего в те годы общую мастерскую с Приговым), изображающих символы писательского искусства — «Золотое перо Дмитрия Александровича Пригова» и «Золотое перо Пушкина». Эти работы входят в цикл «Музей золотых фигур», в котором основной художественной стратегией Орлова было изображение некоего символического знака-предмета, ассоциативно связанного в сознании реципиента с известной личностью и позволяющего эту личность дифференцировать. К примеру, «Золотой башмак Н. Хрущева» отсылает к всемирно известному выступлению Н. С. Хрущева на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Или «Золотой топор Достоевского», вонзенный в темя, напоминает о герое романа «Преступление и наказание». Примечательно, что золотые перья, репрезентирующие Пушкина и Пригова (правда, не гусиные, а более современные, металлические), идентичны — с той лишь разницей, что «Золотое перо Дмитрия Александровича Пригова» гораздо крупнее «Золотого пера Пушкина». Концептуалист Орлов предлагает собственное видение темы «поэт и поэзия».

Примечания

1. Можно напомнить об исполнении Приговым «буддийского» варианта «Евгения Онегина» (см. видеозапись), чтобы убедиться, что в авторском варианте прочтения/произношения слова действительно практически не различимы, они мантроподобны.

2. Стоит напомнить, что и сам Пригов испытывал проблемы с сердцем: он умер от обширного инфаркта. Очевидно, что мотив больного (аритмичного) сердца был ему близок.

Литература

1. Берг М. Московский концептуализм. URL: <http://rulibs.com/ru_zar/sci_culture/berg/0/j12.html?ysclid=li0ri7y073463424315>
2. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. 716 с.
3. Преодолевшие сопреализм: коллективная монография / гл. ред. и сост. О. В. Богданова. СПб.: Алетейя, 2023.
4. Пригов Д. А. Места // Пригов Д. А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: НЛЮ, 2019.